

ОБЗОР ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ МОДЕЛИ ВЛАСТЬ – СОБСТВЕННОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА

М. А. БЕЗНИН¹⁾, Т. М. ДИМОНИ¹⁾

¹⁾Вологодский государственный университет, ул. Ленина, 15, 160000, г. Вологда, Россия

Отражены подходы к изучению модели *власть – собственность* в Советской России в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Представлены выводы отечественных и зарубежных, преимущественно европейских, исследований в области экономики в советский и постсоветский периоды. Рассматриваются основные институты российской властно-собственнической системы, субъекты собственнических прав, принцип разделенного права собственности и др. Предложенные подходы ставят перед исторической наукой новые задачи в области изучения российской экономики в уникальный сталинский период.

Ключевые слова: сталинский период; экономическое развитие; власть; собственность; методология исследований.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 22-28-00325).

АГЛЯД ПАДЫХОДАЎ ДА ВЫВУЧЭННЯ МАДЭЛІ ЎЛАДА – УЛАСНАСЦЬ У САВЕЦКАЙ РАСІІ СТАЛІНСКАГА ПЕРЫЯДУ

М. А. БЕЗНІН^{1*}, Т. М. ДЗІМОНІ^{1*}

^{1*}Валагодскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Леніна, 15, 160000, г. Волагда, Расія

Прыводзіцца агляд падыходаў да вывучэння мадэлі ўлада – уласнасць у Савецкай Расіі ў канцы 1920-х – пачатку 1950-х гг. Прадстаўлены высновы айчынных і замежных, пераважна еўрапейскіх, даследаванняў у сферы эканомікі ў савецкі і постсавецкі перыяды. Разглядаюцца асноўныя інстытуты расійскай уладна-ўласніцкай сістэмы, суб'екты ўласніцкіх правоў, прынцып падзеленага права ўласнасці і інш. Прапанаваныя падыходы ставяць перад гістарычнай навукай новыя задачы па вывучэнні расійскай эканомікі ва ўнікальны сталінскі перыяд.

Ключавыя словы: сталінскі перыяд; эканамічнае развіццё; улада; уласнасць; метадалогія даследаванняў.

Падзяка. Даследаванне выканана за кошт гранта Расійскага навуковага фонду (№ 22-28-00325).

Образец цитирования:

Безнин МА, Димони ТМ. Обзор подходов к изучению модели *власть – собственность* в Советской России сталинского периода. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;3:49–60.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-49-60>

For citation:

Beznin MA, Dimoni TM. Overview of approaches to the study of the *power – property* model in Soviet Russia of the Stalinist period. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;3:49–60. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-49-60>

Авторы:

Михаил Алексеевич Безнин – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук.

Татьяна Михайловна Димони – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук.

Authors:

Mikhail A. Beznin, doctor of science (history), full professor; head of the department of national history, Institute of Social and Humanitarian Sciences.

bezninma@vogu35.ru

Tatiana M. Dimoni, doctor of science (history), docent; professor at the department of national history, Institute of Social and Humanitarian Sciences.

dimonitm@yandex.ru

OVERVIEW OF APPROACHES TO THE STUDY OF THE *POWER – PROPERTY* MODEL IN SOVIET RUSSIA OF THE STALINIST PERIOD

M. A. BEZNIN^a, T. M. DIMONI^a

^aVologda State University, 15 Lenina Street, Vologda 160000, Russia

Corresponding author: T. M. Dimoni (dimonitm@yandex.ru)

The article is devoted to the review of approaches to the study of the *power – property* model in Soviet Russia in the late 1920s – early 1950s. The authors describe the main conclusions of domestic research of both the Soviet and post-Soviet periods, a wide front of scientific developments – in the field of history, economics, oriental studies, etc. In addition, the article presents an overview of the main conclusions of foreign, mainly European, researchers in the study of the model of power and property of the Stalinist period. The authors propose to consider the main institutions of the Russian power-proprietary system (ownership, marketability, planning, money), to study the subjects of proprietary rights, the system of divided property rights, the perception of property relations, etc. The proposed approaches will allow historical science to advance in the development of new research tasks for the study of the economic history of Russia of a unique period that entered science under the name of «Stalinist».

Keywords: Stalinist period; economic development; power; property; research methodology.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation (No. 22-28-00325).

Введение

Исследование отношений собственности в контексте политических процессов является одной из сложных, многоаспектных задач современной исторической науки. Особую актуальность данная тема приобретает применительно к переломным этапам истории, периодам становления новой системы властных и собственнических отношений. Среди таких периодов в России можно отметить конец 1920-х – начало 1950-х гг., когда было создано экономическое устройство нового типа. Его полной характеристики в научном ракурсе пока нет. Причина кроется не в отсутствии источников, а в том, что для изучения проблемы историками не разработан методологический инструментарий, выходящий за рамки советской идеологической парадигмы.

Проблема сопряженного изучения власти и собственности довольно давно поднимается и в обществоведческих научных исследованиях, и в публицистике. Данный вопрос интересует представителей разных научных отраслей – экономики, юриспруденции, социологии, философии, истории. Исследованию модели *власть – собственность* больше всего публикаций посвящено в историческом контексте. Они выполнены как на материалах русского феодализма, так и на материалах более поздних периодов истории России, в частности советского и постсоветского.

Многие российские философы начала XX в. (С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др.) искали истоки российских отношений собственности в общинности и соборности, делали вывод о слабой укорененности частной собственности в России. Политические деятели начала XX в. в целом были солидарны с таким подходом. Довольно подробный очерк их взглядов дан Ю. С. Пивоваровым [1].

В отношении феодального периода истории России тезис о сопряжении власти и собственности многократно озвучивался в исследованиях с конца XIX в. учеными государственно-правовой школы, например Л. В. Черепниным, М. Н. Тихомировым, В. Б. Кобриным и др. Как правило, ученые этого круга ставили вопрос о связи власти, прежде всего центральной, с экономическим положением господствующего класса, в частности с его землевладением. Историко-социологическое осмысление специфики экономической системы России представила О. Э. Бессонова [2]. Она обратила внимание на постепенное сближение прав владения и государственной службы в XIV–XVII вв., а затем на разрушение этой связи по мере развития капитализма. В то же время в качестве одной из особенностей российской экономической системы, в том числе в советский период, О. Э. Бессонова называет связь прав собственности с несением государственной службы.

Материалы и методы исследования

Серьезный импульс исследованию власти и собственности в России придали востоковеды. Идеи об аналогии между азиатским способом производства

и социализмом первым в советской литературе привел Р. М. Нуреев [3; 4]. Развил и конкретизировал данный подход Л. С. Васильев [5; 6]. По мнению

Л. С. Васильева, институт власти и собственности совершенствовался на протяжении тысячелетий и способствовал сохранению централизации власти. Он опирался на взаимообмен и централизованную редистрибуцию. Российское экономическое устройство было подобно азиатскому в плане монопольного права власти на собственность. Позднее Л. С. Васильев многократно обращался к данной проблеме. Он считал, что система власти и собственности имела советско-социалистическую форму, где власть недолюбливала частных собственников и стремилась ограничить их потенциальные возможности по той причине, что они были посредниками между производительным населением и властью [6].

Идеи Л. С. Васильева оказали большое влияние на позицию российских экономистов начала XXI в. в рассмотрении института собственности в имперский, советский и постсоветский периоды. С точки зрения экономистов, власть и собственность – неразрывно связанные понятия, особенно на более ранних, докапиталистических этапах человеческой истории. На этот феномен обращает внимание, например, Ф. И. Шамхалов, последовательно анализируя этапы взаимодействия собственности и власти [7]. Он считает, что в современной экономике права собственности и экономическая власть распределены среди множества субъектов, что в контексте поиска методологии исследования также является важным посылом. Российские экономисты Р. М. Нуреев, Н. М. Плискевич, Ю. В. Латов имеют довольно схожую позицию в трактовке особенностей экономики России как в современный, так и в советский период.

Так, большинство российских институционалистов склоняются к введению модели *власть – собственность* и подразумевают под ней систему социальных, политических, экономических и правовых институтов, которая характеризуется через соотношение различных форм обмена, классифицируемого по избирательности, симметричности и гарантам [8]. Данной модели присущи следующие черты: субъект наделяется правами собственности при деятельном участии государства как основного агента распределения (перераспределения); собственность может быть конфискована, если власть заинтересована в ее перераспределении; государство или иные представители власти получают ренту от объектов – участников экономической системы [9]. Формирование данной модели институционалисты обосновывают особой траекторией эволюции России. В основе этого процесса лежит условное владение землей в эпоху Средневековья, а также индустриализация в XIX и XX вв., когда роль государства в экономическом развитии была ведущей. В советский же период функционирование модели *власть – собственность* опиралось на принадлежность основных средств производства госу-

дарству, что в терминологии институционалистов соответствует понятию «бутылочное горлышко». Данное явление и сегодня ограничивает развитие российской экономики.

В институциональном аспекте экономических исследований более подробно о модели *власть – собственность* в советский период высказался Р. М. Нуреев. По его мнению, после 1917 г. традиции данной модели не изжили себя, а, наоборот, были поддержаны коммунистической идеологией. С конца 1920-х гг. началось огосударствление экономики, центральная власть взяла функции не только контроля и учета, но и организации системы в целом. Ведущую роль в этом процессе играла государственная бюрократия, представленная высшим (сотрудники аппарата центральных органов), средним (чиновники областных органов) и низшим (работники управления заводов, фабрик, организаций и др.) звеньями. На новом этапе истории была воспроизведена пирамидально-сегментарная структура: на верхнем уровне находился ЦК КПСС, на среднем – обкомы и горкомы КПСС, на низшем – директора заводов, фабрик, организаций. Однако после реформы совнархозов (1957) наблюдалось перераспределение власти между составными элементами системы сверху вниз. В то же время Р. М. Нуреев отмечает, что наряду с командно-плановой экономикой существовали и рыночная, и нелегальная. Фундаментом укрепления государственно-бюрократической формы собственности ученый считает коллективную, кооперативную и индивидуальную ее формы, которые последовательно вытеснялись с 1930-х гг. Общественной же формы собственности, по его мнению, в Советской России не существовало. В сферах производства, обмена и потребления господствовало государство. Причастность к распределению благ была главным символом причастности к власти [8].

Есть и другие особенности трактовки модели *власть – собственность*. Н. М. Плискевич склоняется к тому, что структура управления советской экономикой была близка к акционерной, что позволяет говорить о корпоративном характере собственности в Советской России. Ученый высказывает предположение о том, что в советской экономике модель *власть – собственность* имела частнособственнические черты [10].

Рассуждения о собственности и власти в России неоднократно встречаются в работах Е. Т. Гайдара, в частности в его книге «Власть и собственность» (2009). Поддерживая мнение о слабости института частной собственности в российской дореволюционной истории, он довольно подробно останавливается на фиксации собственнических устремлений советской элиты, которые, по его мнению, были очевидны уже в 1930-х гг. Также Е. Т. Гайдар оценивает определенные интересы разных групп советской номенклатуры в присвоении имущества.

О роли отношений собственности в трансформации советской номенклатуры, росте ее приватизационных устремлений в 1980-х гг. упоминают в своих работах А. Г. Авторханов, М. С. Восленский, Р. Г. Пихоя. Частично об этом же писали и такие исследователи истории СССР, как П. Грегори, С. Коткин, Ш. Мерль, Т. Шанин.

Однако модель *власть – собственность* имеет и критиков. Например, А. И. Колганов считает, что сохранение своеобразной моды на данную концепцию объясняется во многом ее использованием не только для идеологической критики социализма, но и против государственного вмешательства в рыночную экономику, в том числе со стороны современного российского государства [11]. По мнению ученого, в плановом хозяйстве функции бюрократии состоят в том, что она выступает в роли представителя интересов общества в целом, а также в роли посредника между многочисленными звеньями системы общественного разделения труда. Чрезмерная узурпация этих функций советской бюрократией, как и вытеснение общих интересов узкогрупповыми интересами, привели в конечном счете к краху модели. При формировании советской системы планового хозяйства чиновники были лишь посредниками, в то время как совместные сельскохозяйственные работы крестьян на Востоке инициировались именно государственной властью. А. И. Колганов заключает, что мы имеем дело с разными системами производственных отношений, хотя в обоих случаях чиновники выступают необходимыми звеньями хозяйственного механизма.

Довольно плодотворные шаги в изучении власти и собственности были сделаны правоведом. Например, в середине XX в. А. В. Венедиктов предпринял новаторскую попытку рассмотреть правовые основы функционирования отношений собственности в СССР [12]. Применительно к ранним, досоветским, периодам истории он вводит понятие «разделенное право собственности», что дает возможность проследить статус собственников при условии высокой роли государства в регулировании экономики.

Эта линия рассуждений в дальнейшем практически не развивалась, хотя выглядит очень перспективной. Некоторое продвижение тема получила в конце 1980-х гг., когда началось довольно плодотворное обсуждение вопросов, связанных с совершенствованием социализма, и были изданы прорывные по тем временам сборники серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм». Так, в сборнике «Социализм: между прошлым и будущим» (1989) приводятся рассуждения экономиста В. Н. Киселёва о «пучке прав собственности». Исследователь утверждает, что отношения владения не могут быть определяющими: можно пользоваться предметом, не владея и даже не распоряжаясь им, при этом можно распоряжаться предметом, не владея им. Отношения

владения очень легко изменяются, но часто это формальная манифестация, которая оставляет в тени более сложные экономические аспекты.

Сегодня историки пробуют изучать эту сложную часть процесса, не видимую с помощью формально-правовых или формально-экономических методов. Следует отметить, что исторических исследований, посвященных проблемам собственности, очень мало [13], даже в монографии на тему истории собственности в XX в. советский период практически выпал из анализа. Тем не менее в ряде работ отдельные сюжеты довольно близки к интересующей нас проблеме. Так, в книге В. Г. Катасонова о специфике сталинской экономики есть важные положения, характеризующие формирование отношений собственности, включая корпоративные принципы ее построения в крупной промышленности [14]. Применительно к истории страны в работах профессиональных историков, таких, например, как О. В. Хлевнюк, при описании системы власти используется нарратив «хозяин», сложившийся при И. В. Сталине [15]. В монографиях А. В. Островского, посвященных истории советского периода, есть отсылки к соотношению модели *власть – собственность* в плане присвоения отдельных прав на распоряжение и пользование благами [16]. Наиболее полно вопрос отношений собственности проработан в историографии аграрного развития. История формирования колхозной собственности делает ее чрезвычайно привлекательной для анализа и получения определенных умозаключений. С колхозной формой собственности, например, связана история одного из самых знаменитых экономических споров начала 1950-х гг. между экономистами В. Г. Венжером, А. В. Саниной и Генеральным секретарем ЦК КПСС И. В. Сталиным [17; 18]. История коллективизации, колхозного хозяйствования, раскрестьянивания во многом связана с аспектами отношений собственности. Например, И. Е. Кознова [19], анализируя социальную память российского крестьянства в XX в. на материалах устного и эпистолярного наследия, приводит многочисленные свидетельства восприятия колхозной собственности как своей (это относилось прежде всего к земле и скоту). Причем явление это было характерно не только для периода коллективизации, но и для 1940–50-х гг. Вопросы землепользования подробно рассмотрел М. А. Безнин в работах, касающихся истории крестьянского двора российского Нечерноземья 1950–1965 гг. [20; 21]. В результате изучения этого феномена было выявлено большое количество неформальных собственнических позиций сельских жителей в отношении не только приусадебной, но и колхозной земли. История распределительной системы страны детально показана в работах Е. А. Осокиной [22] и Т. С. Кондратьевой [23]. История охраны права собственности (принуждения к его осуществлению)

нередко изучается применительно к историографии голода [24–26].

Характеризуя историографические подходы западных авторов, отметим, что традиции описания советской власти и ее влияния на экономику сложились уже к 1930-м гг. Одним из первопроходцев в изучении финансовой системы СССР был американский экономист Л. фон Мизес, внесший большой вклад также в развитие австрийской экономической школы. Широкую известность получила его монография «Социализм: экономический и социологический анализ» [27]. В труде Л. фон Мизеса собственность рассматривается как возможность физически распоряжаться благами. Соответственно, кто ими распоряжается, тому и принадлежит власть. По мнению исследователя, при максимально централизованной концентрации распоряжения общественными благами возникает максимально возможная авторизация власти, что делает строительство коммунистической утопии фактически невозможным, поскольку неизбежно заканчивается диктатурой, сопряженной с масштабными репрессиями. Основными недостатками экономической системы Л. фон Мизес считал коллективизацию собственности, отсутствие капиталистических стимулов в виде заинтересованности в результатах работы предприятия, низкую ответственность советских управленцев, коллективное распределение благ с использованием натуральных показателей вместо денежных. В работах ученого сформировался историографический взгляд на основные проблемы советского социализма с позиции слияния собственности и предельно авторитарной власти.

После Второй мировой войны ученые западной Европы и США следовали подходу Л. фон Мизеса. Они обращали особое внимание на высокую централизацию управления экономикой в Советской России, многовекторный контроль власти над всеми экономическими агентами [28–31]. В 1960-х гг. сложилась определенная традиция в практике изучения соотношения экономической деятельности и власти в СССР. Так, в результате исследований советской политики 1930-х гг. Р. Дэниэлс сделал вывод об усилении бюрократического аппарата, коренных изменениях советской системы управления и управленческих идей уже в начале этого десятилетия [32]. С начала 1960-х гг. западная историография стала уделять внимание изучению групп интересов при проведении советской экономической политики [33–40]. При этом исследователи не были единодушны в том, что из себя представляет ядро советской системы, дискуссии разворачивались вокруг определения главной инстанции принятия решений. Например, Т. Ригби считал, что ведущая роль принадлежала коммунистической партии и ее лидерам, ряд исследователей, например Б. Баргхорн и Г. Скилинг, склонялись к выводу о том, что группы интересов существуют не только в ВКП(б), но и в других

властных структурах и сообществах. Более детально механизм принятия управленческих решений в сфере экономики, в том числе на региональном уровне, был рассмотрен американским историком Дж. Хафом [41]. Он исследовал деятельность первых секретарей обкомов КПСС и их влияние на принятие решений в производственной деятельности в центре и на местах. В его книге [41] рассмотрены проблемы организации местных партийных органов, роль секретарей обкомов партии в управлении промышленностью, принцип единоначалия, другие элементы организации советской экономической жизни, виды вмешательства и влияние первых секретарей обкомов КПСС на плановые и производственно-технические решения, в том числе в области снабжения. Большое значение Дж. Хафф уделял рассмотрению системы своеобразного торга с высшими партийными органами, изучению рациональных взаимоотношений власти с населением. Серьезное исследование западной историографии о Советском Союзе довоенного периода проведено В. И. Меньковским [42].

На наш взгляд, следует обратить внимание на выводы исследователей 1970-х гг. и в последующий период, в частности на выводы Я. Корнаи и П. Грегори. Кроме идей Л. фон Мизеса, они продолжали также идеи Дж. Берлинера, одного из зачинателей дискуссии о жизнеспособности социалистической системы. Его работы, посвященные советской фабрике и ее управлению, а также инновациям в советской промышленности, объединял следующий вопрос: «Кто виноват: плохая лошадь или плохой жокей?» [43; 44]. Наиболее известным автором, попытавшимся дать ответ на этот вопрос, был П. Грегори – современный американский исследователь советской политики и экономики в рамках институционалистского подхода. Квинтэссенцией его исследований в отношении интересующей нас проблемы является монография «Политическая экономия сталинизма» [45]. П. Грегори, развивая размышления Дж. Берлинера, приходит к выводу о том, что сложившиеся в СССР отношения власти и собственности в любом случае привели бы к созданию тоталитарной системы с фигурой, подобной И. В. Сталину. Другими словами, административно-командная система не может существовать в виде демократии, поскольку требует предельно скоординированных действий для управления столь масштабной экономикой из единого центра. Более того, в административно-командной системе выстраивается жесткая иерархия из верховного диктатора и диктаторов локального уровня, подчиненных ему, и при смене государственного лидера его место занимает такой же диктатор, ранее принимавший решения на местах. Особенность советской системы П. Грегори видит в том, что диктаторы-агенты, руководящие конкретными предприятиями, действовали отчасти в своих интересах, что обеспечивало работоспособность экономической

модели в сложнейших условиях. П. Грегори заключает, что роль И. В. Сталина после создания административно-командной системы, заключающейся прежде всего в отношениях диктатора-принципала и диктаторов-агентов, была сравнительно невелика. Создание колхозов П. Грегори рассматривал как претворение идеи Е. А. Преображенского о методах первоначального социалистического накопления капитала, предполагающего закупку у крестьян излишек сельскохозяйственного производства по низким ценам для продажи по более высоким ценам, в результате которой у государства оставался прибавочный продукт. Рассмотрение соотношения вины лошади и жокея, сформулированного Дж. Берлинером, привело П. Грегори к выводу о том, что советская система, несмотря на кажущуюся нежизнеспособность, была крайне устойчива благодаря сформировавшимся институтам.

Известным исследователем особенностей экономики Советской России был также венгерский экономист Я. Корнай. Начиная с середины 1950-х гг. основным объектом его интереса были проблемы функционирования советской командно-административной системы, реальные мотивы ее экономических субъектов в условиях, отличных от рыночных отношений. Несмотря на то что Я. Корнай был экономистом, он анализировал политические механизмы функционирования советских систем. Экономическую сторону системы социализма он описал в своей самой популярной монографии «Дефицит» [46]. В ней рассматриваются причины возникновения дефицита, носившего хронический, самопроизводящийся, интенсивный характер, что отличает его от периодического дефицита, свойственного рыночной экономике. Причины дефицита как явления в сфере управления командно-административных экономических систем автор видит не только в постоянном кризисе недопроизводства, но и в отношениях в рамках модели *власть – собственность*, свойственным командно-административным экономикам. Я. Корнай описывает плановое распределение материалов, порождающее горизонтальный и вертикальный дефицит, административно устанавливаемые цены и др. Большое внимание он уделяет анализу менталитета руководителей предприятий, являвшихся, по мнению исследователя, не юридическими собственниками, а управленцами. В данном случае автор отождествляет управленцев с выполняемым функционалом, подчеркивает их стремление к профессиональному престижу, постоянному расширению производства, что требует бесконечных капиталовложений. Как следствие, возникает инвестиционный голод.

В монографии Я. Корнай «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма» [47] впервые зашла речь о классическом социализме и социализме этапа перемен. Автор оценивает системы власти, идеологии, собственности, механизмы координации, управления и планирования в экономике в классический период (1930–50-е гг.). Ключом к пониманию социалистической системы для него служит изучение структуры власти. Я. Корнай подробно анализирует основную форму собственности, присущую классической социалистической системе, а именно государственную фирму, а также роль государственной бюрократии в реализации данной формы. Особо он отмечает неравномерность распределения власти в силу многоуровневой иерархической структуры бюрократии в советском обществе. Я. Корнай пишет, что партийный аппарат играет ведущую роль. Он сильнее других элементов бюрократии, но при этом каждый, кто входит в бюрократию (кроме верховного руководителя), одновременно является и хозяином, и слугой: каждый может приказывать находящимся внизу, но должен повиноваться стоящим сверху. В целом Я. Корнай был не одинок в таком подходе: схожие идеи еще в 1950-х гг. были высказаны М. Джиласом, а затем М. С. Восленским.

В работе югославского автора М. Джиласа «Новый класс» [48] изучается феномен бюрократии как созданного социалистическими преобразованиями нового класса, фактически взявшего в свои руки бразды правления и ставшего классом-собственником, классом-эксплуататором, заменившим собой буржуазию. Основные черты нового класса: владение и распоряжение государственной собственностью, распределение дохода, установление размера заработных плат, диктатура. В результате партийная бюрократия становится привилегированным классом и одновременно реакционной силой, старающейся удержать власть, чтобы сохранить свои привилегии и собственность, де-юре являющуюся национальным достоянием и де-факто находящуюся в их распоряжении. Советский эмигрант М. С. Восленский в историко-социологической работе «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» [49] анализировал генезис советской и партийной бюрократии – нового класса из профессиональных революционеров, имеющих опыт управления и организации. По прошествии времени, особенно при И. В. Сталине, профессиональные революционеры сменились коммунистической бюрократией – партийными карьеристами. Новый класс старался скрыть свое существование как де-факто господствующего класса и, обеспечивая всю полноту власти в обществе, становился классом имущим, классом-эксплуататором.

Результаты и их обсуждение

Ранее нами уже были сделаны выводы о механизмах действия власти и формировании отношений собственности в 1930–50-х гг. Данный период мы

оцениваем как этап первоначального накопления капитала [50]. В ходе него произошла масштабная и быстрая экспроприация собственности мелких

производителей, в руках государства были аккумулярованы основные средства производства, что позволило решить вопрос формирования источников первоначального накопления. Институты советского государства могли самостоятельно определять способы получения и использования национального дохода, кроме того, они контролировали фонд производственного накопления, что стало важнейшей составляющей процесса первоначального накопления в СССР. Среди основных институтов экономической революции 1930-х гг. центральную роль играл институт собственности.

Термин «собственность» трактуется нами как общественные отношения между людьми (прежде всего между акторами производственной деятельности), отраженные в формальных и неформальных правах собственности. В данном ключе на первый план выходят отношения собственности на ресурсы (землю, производственные капиталы), а также физический и умственный потенциал человека, воплощенный в труде. На втором плане выступают собственнические отношения человека к вещи, в том числе субъективные ощущения и переживания собственника и несобственника.

Ранее нами был проведен ряд исследований прав собственности в Советской России, в том числе с использованием институционального подхода, который позволил выявить основные тенденции в изменении отношений собственности и влиявших на них правовых институтов. В частности, определены такие важные этапы изменения прав собственности, как период ее экспроприаций (изъятие земли из частной собственности, национализация банков, значительное ограничение прав собственников промышленных предприятий в результате декретов советской власти 1917 г. и Конституции РСФСР 1918 г.), а также период форсированного первоначального накопления (развернутое строительство социализма, коллективизация сельского хозяйства в конце 1920-х – 1930-х гг.). Все эти изменения были закреплены в Конституции СССР 1936 г., которая провозгласила отмену частной собственности, утвердила социалистическую собственность в таких формах, как государственная (всенародное достояние), кооперативно-колхозная (собственность колхозов, кооперативных объединений) и личная (жилой дом, продуктивный скот, птица, мелкий инвентарь, личные сбережения) [51]. В сфере изучения модели *власть – собственность* оказывается процесс перераспределения собственности, в частности этапы экспроприации собственности, их внутреннее содержание, отражение процесса в объемно-правовом и социально-экономическом поле, ментальной жизни страны.

Исследуя модель *власть – собственность*, необходимо дать широкую коннотацию концепта «хозяйин». В данном случае понятийный смысл будет

смещен к ассоциации с полным правом собственности, что позволит отразить особенности функционального владения, пользования и распоряжения ресурсами, а также социально-психологический аспект проблемы. Конечно, изучение данного вопроса невозможно без привлечения широкого круга нарративных источников, в том числе автокоммуникативных, включая материалы художественной литературы, народного фольклора и т. д. Широкие возможности дает использование довольно мало вовлекаемых в научный оборот художественных произведений: романов М. А. Шолохова «Поднятая целина», Ф. И. Панферова «Бруски», В. А. Кочетова «Журбины» и «Секретарь обкома», повести А. П. Платонова «Котлован», рассказов Л. Н. Сейфуллиной «Собственность», П. С. Романова «Государственная собственность» и др. Велики резервы народного фольклора. Обильные записи частушечного творчества 1930–50-х гг. демонстрируют элементы собственнических маркеров, в том числе отражения отчуждения и присвоения прав собственности. Здесь идет речь о работе с выявлением конкретно-исторических и абстрактных значений понятий «собственник», «владелец», «частник», «кулак», «бедняк», «колхозник», «имущество», «кумовство», «эксплуатация», «прирезки», а также действий «дать», «приобрести», «забрать», «наделить», «распределить», «разбазарить», «воровать» и др. Эти лексико-смысловые единицы были чрезвычайно распространены в 1930–50-х гг., когда происходило перераспределение главных объектов собственности.

Исследование проблемы власти и собственности тесно сопряжено с задачей изучить организацию управления собственностью, систему ее эксплуатации и охранных границ (ограждение от возможной апроприации или создание условий для ее осуществления). Ранее нами уже был исследован ряд институтов и механизмов экономической системы Советской России [52; 53]. Выявлено, что институт экономического планирования виделся власти в ракурсе поддержания согласованности между всеми стадиями воспроизводственного процесса: производством, распределением, обменом и потреблением. Несмотря на широкое применение балансовых и нормативных методов в народно-хозяйственном планировании, советская экономика формировалась как несвободная от серьезных диспропорций на различных уровнях. Ключевыми причинами этого выступали особенности централизованного распределения основных видов материально-технических ресурсов, а также принцип ведущего звена в условиях структурной политики, связанной с приоритетным развитием группы отраслей тяжелой промышленности. Стремление низовых элементов хозяйственной системы к созданию резервов для обеспечения устойчивости функционирования в условиях перманентного дефицита мате-

риальных ресурсов только усиливало диспропорции на макроуровне. Широко распространенная с конца 1920-х гг. практика перманентных корректировок планов свидетельствовала о том, что данные планы, по сути, приспособлялись к сложному комплексу экономических взаимоотношений, включавших элементы натурального производства, рыночного обмена и т. д.

Анализ института товарности в Советской России выявил уникальную тенденцию: долгое время он сосуществовал с нерыночными механизмами распределения и обмена. Товар реализовывался как путем директивного изъятия и распределения (фондирование, лимитирование в промышленности, госзаготовки в сельском хозяйстве [54]), так и через рыночные механизмы (оптовая и розничная торговля). В товаризации капиталов преобладали внерыночные механизмы с большой ролью государственного регулирования. Специфическим объектом товаризации в Советской России были рабочие руки. На государственных предприятиях они имели явные признаки товара еще в довоенный период, однако в их мобилизации с начала 1930-х до конца 1950-х гг. использовались механизмы рекрутирования, в частности оргнабор, кроме того, ограничивалась свобода перемещения работников. В колхозном производстве процессы товаризации труда развивались медленнее: до второй половины 1950-х гг. преобладали повинностные механизмы эксплуатации.

Деньги, как институт советской экономики, рассматривались в 1930-х – начале 1950-х гг. преимущественно в качестве вспомогательного средства учета и контроля выполнения народно-хозяйственных планов. Важным фактором экономической системы 1930–50-х гг. являлось планирование производства валовой продукции в натуральных показателях. Основная денежная масса функционировала в безналичной форме, наличные деньги составляли небольшую массу денежного оборота. Государство активно привлекало денежные средства населения к первоначальному накоплению и финансированию народного хозяйства как через систему государственных займов, так и посредством государственных сберегательных касс и жесткой налоговой политики. В целом в 1930-х – начале 1950-х гг. государство тотально контролировало накопление наличных денежных средств, что создавало препоны в создании теневого оборота.

Важнейшей составляющей описания власти и собственности является анализ субъекта сосредоточения прав собственности. В советский период класс-собственник (протобуржуазия) реализовывал права владения, распоряжения и пользования в коллектив-

ной форме осуществления прав собственности [55]. К классу сособственников относились первые лица центрального и региональных областных комитетов ВКП(б), наркоматов, госкомитетов, исполкомов, руководители предприятий, органов торговли и снабжения, плановых, статистических, финансовых органов и др. Именно этот класс определял направление вложения ресурсов, стратегию и тактику экономического развития, распоряжался полученным доходом, регулировал оборот объектов собственности. Кроме функций управления, класс сособственников осуществлял надзор за объектами и правом собственности, регулируя возможности ее передела, особенно в отношениях с низовыми слоями общества.

Отдельными полномочиями в сфере реализации прав собственности обладали и классы-несобственники. Применительно к исследованиям аграрного строя России 1930–80-х гг. мы выделили как минимум четыре таких несобственнических слоя. Прежде всего это работники, которые участвовали в управлении трудовыми и финансовыми ресурсами, а также производственными капиталами [56]. Интеллектуалы имели собственность на знания, внедряемые в производственный процесс, переносили в стоимость продукта интеллектуальный капитал. Рабочая аристократия базировала свою часть правового статуса на овладении техникой – главным материальным фактором капитализировавшейся экономики, реализовывала потенциал прошлого труда (капитала) [57]. Наиболее отдаленным от реализации права собственности являлся пролетариат, занятый физическим, в основном ручным, мало-квалифицированным трудом.

Изучение модели *власть – собственность* требует пристального внимания к динамике отношений собственности. Это особенно важно в связи с тем, что период 1930–50-х гг. ознаменовался затуханием старых отношений собственности, обладавших большой персонификацией (например, в индивидуальном крестьянском хозяйстве). Одновременно происходило выстраивание новых отношений коллективной капиталистической собственности (данный институт находится на начальных стадиях исследования). Важнейшей стороной является изучение классового противоборства на предмет обладания собственностью в экономической, политической и культурной плоскостях. Пока эти аспекты получили отражение в очень небольшом числе научных работ. Ярче этот аспект отражен в художественных произведениях (например, в романах В. И. Белова «Кануны» и «Год великого перелома», повествующих о начальных стадиях коллективизации).

Заключение

Сегодня изучение модели *власть – собственность*, характерной для Советской России, ведется в основном в историософском ракурсе. Тем не

менее проблема поставлена довольно давно, еще в трудах современников строительства сталинского типа экономики. Пионерами в этом подходе стали

исследователи западных капиталистических государств, однако со временем над их взглядами стал довлеть определенный исследовательский стереотип, сводившийся к представлениям о примате властно-идеологических установок над экономическими задачами развития Советской России 1930-х – начала

1950-х гг. Советская историческая школа придала серьезный импульс изучению власти и собственности в 1930–50-х гг. через востоковедческий ракурс. Однако данный подход остался в основном на уровне гипотез, не получив пока конкретно-исторических исследований.

Библиографические ссылки

1. Пивоваров ЮС. Русская собственность, русская власть, русская мысль. *Россия и современный мир*. 2002;1:5–36.
2. Бессонова ОЭ. *Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2006. 142 с.
3. Нуреев РМ. Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства. В: Сергеев АА, редактор. *Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма*. Москва: [б. и.]; 1976. с. 212–218.
4. Нуреев РМ. Азиатский способ производства и социализм. *Вопросы экономики*. 1990;3:47–58.
5. Васильев ЛС. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. В: Алаев ЛБ, редактор. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. Москва: Наука; 1982. с. 60–99.
6. Васильев ЛС. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики). В: Крадин НН, Коротаев АВ, Бондаренко ДМ, Лынша ВА, редакторы. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос; 2000. с. 96–114.
7. Шамхалов ФИ. *Собственность и власть*. Москва: Экономика; 2007. 411 с.
8. Нуреев РМ, Рунов АВ. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе). *Вопросы экономики*. 2002;6:10–31.
9. Бережной ИВ, Вольчик ВВ. *Исследование экономической эволюции института власти-собственности*. Москва: Закон и право; 2008. 239 с.
10. Плискевич НМ. Мутации «власти-собственности»: проблемы и перспективы. Москва: Институт экономики РАН; 2007. 57 с.
11. Колганов АИ. К критике концепции «власти-собственности». *Вопросы экономики*. 2017;7:79–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-79-95.
12. Венедиктов АВ. *Государственная социалистическая собственность*. Москва: Издательство АН СССР; 1948. 840 с.
13. Алексеев ВВ, Сахаров АН, Сенявский АС, Корелин АП, Бородкин ЛИ, Петров ЮА и др. *Собственность в XX столетии. К 80-летию академика В. А. Виноградова*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2001. 951 с.
14. Катаонов ВГ. *Экономика Сталина*. Москва: Институт русской цивилизации; 2014. 416 с.
15. Хлевнюк ОВ. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2010. 478 с. (История сталинизма).
16. Островский АВ. *Кто поставил Горбачева?* Москва: Алгоритм; 2010. 544 с. (Суд истории). Совместно с издательством «Эксмо».
17. Письма В. Г. Венжера и А. В. Саниной И. В. Сталину. В: Кузнецова ТЕ, Никифорова ЛВ, редакторы. *Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель*. Москва: Институт экономики РАН; 2015. с. 138–176 (Выдающиеся экономисты России).
18. Сталин ИВ. *Экономические проблемы социализма в СССР*. Москва: Госполитиздат; 1952. 96 с.
19. Кознова ИЕ. *Сталинская эпоха в памяти крестьянства России*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2016. 464 с.
20. Безнин МА. *Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг.* Москва: Институт истории СССР АН СССР; 1991. 255 с. Совместно с Вологодским государственным педагогическим институтом.
21. Безнин МА, Димони ТМ. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века). Том 1. В: Севостьянов ГН, редактор. *Россия в XX веке. Реформы и революции*. Москва: Наука; 2002. с. 632–643.
22. Осокина ЕА. За фасадом «сталинского изобилия». *Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2008. 271 с.
23. Кондратьева Т. *Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв.* Москва: Российская политическая энциклопедия; 2006. 208 с.
24. Кондрашин ВВ. *Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2008. 519 с. (История сталинизма).
25. Зима ВФ. *Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия*. Дмитренко ВП, редактор. Москва: Институт российской истории РАН; 1996. 265 с.
26. Menkouski V, Šmigel M, Dubinka-Hushcha L. «The Hunger Games»: Ukrainian Famine of 1932–1933 in history, historiography and historical policy. Banská Bystrica: Belianum; 2020. 270 p. Co-published by the Matej Bel University.
27. фон Мизес Л. *Социализм: экономический и социологический анализ*. Пинскер Б, переводчик. Москва: Catallaxy; 1994. 416 с.
28. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. New York: Praeger; 1961. 346 p.
29. Bauer R, Inkeles A, Kluckhohn C. *How the soviet system works. Cultural, psychological, and social themes*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 288 p.
30. Fainsod M. *How Russia is ruled*. Cambridge: Harvard University Press; 1953. 684 p. (Russian Research Center studies; volume 11).
31. Schapiro L. *The Communist Party of the Soviet Union*. 1st edition. New York: Random House; 1960. 631 p.
32. Daniels RV. *The Stalin revolution. Foundation of soviet totalitarianism*. 2nd edition. Lexington: Heath; 1972. 233 p.

33. Meyer A. *The soviet political system. An interpretation*. New York: Random house; 1965. 494 p.
34. Kassof A. The administered society: totalitarianism without terror. *World Politics*. 1964;16(4):558–575. DOI: 10.2307/2009446.
35. Rigby TH. Traditional, market, and organisation societies and the USSR. *World Politics*. 1964;16(4):539–557. DOI: 10.2307/2009445.
36. Armstrong JA. Sources of administrative behaviour: some Soviet and Western European comparisons. *American Political Science Review*. 1965;59(3):643–655. DOI: 10.2307/1953175.
37. Barghoorn FC. *Politics in the USSR*. Boston: Little, Brown and Company; 1966. 418 p.
38. Skilling HG, Griffiths F, editors. *Interest groups in Soviet politics*. 1st edition. Princeton: Princeton University Press; 1973. 433 p. (Princeton Legacy Library).
39. Bunce V, Echols JM. From soviet studies to comparative politics: the unfinished revolution. *Soviet Studies*. 1979;31(1): 43–55. DOI: 10.1080/09668137908411223.
40. Conquest R. *Power and policy in the U.S.S.R. The study of soviet dynasties*. 1st edition. New York: St. Martin's Press; 1961. 485 p.
41. Hough JF. *The soviet prefects. The local party organs in industrial decision-making*. 1st edition. Cambridge: Harvard University Press; 1969. 416 p.
42. Меньковский ВИ. *История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов*. Минск: Белорусский государственный университет; 2007. 359 с.
43. Berliner JS. The informal organization of the Soviet firm. *The Quarterly Journal of Economics*. 1952;66(3):342–365. DOI: 10.2307/1885308.
44. Berliner JS. *Factory and manager in the USSR*. Cambridge: Harvard University Press; 1957. 386 p. (Russian Research Center studies; volume 27).
45. Грегори П. *Политическая экономия сталинизма*. Маркевич А, Кузнецов И, переводчики. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2006. 400 с. (Советская история в зарубежной историографии).
46. Корнаи Я. *Дефицит*. Берзина С, Булах С, Заикин В, Марков Д, Михальская А, Поляков А и др., переводчики. Москва: Наука; 1990. 608 с.
47. Корнаи Я. *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма*. Евстигнеев РН, редактор. Болотин БМ, Казанцев СВ, переводчик. Москва: Журнал Вопросы экономики; 2000. 672 с. (Университетская библиотека).
48. Джилас М. *Новый класс*. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер; 1957. 246 с.
49. Восленский МС. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Писарев МЮ, редактор. Москва: Советская Россия; 1991. 624 с. Совместно с издательством «Октябрь».
50. Безнин МА, Димони ТМ. Первоначальное накопление капитала в советской России: приглашение к научной дискуссии. *Вопросы истории*. 2020;7:22–42. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202007Statyi02.
51. Конституция СССР. Москва: Госполитиздат; 1947. 26 с.
52. Безнин МА, Димони ТМ. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020;13(4):186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11.
53. Безнин МА, Димони ТМ, Гулин КА. *Экономический строй России 1950–1980-х годов*. Вологда: Вологодский государственный университет; 2021. 252 с.
54. Безнин МА, Димони ТМ. *Аграрный строй России 1930–1980-х годов*. Москва: Ленанд; 2014. 608 с.
55. Безнин МА, Димони ТМ. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества. *Новейшая история России*. 2019;9(2):437–453. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209.
56. Безнин МА, Димони ТМ. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.). *Вопросы истории*. 2020;10-2:42–60. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi25.
57. Безнин МА, Димони ТМ. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. *Социологические исследования*. 2011;11:90–102.

References

1. Pivovarov YuS. [Russian property, Russian power, Russian thought]. *Rossiya i sovremennyyi mir*. 2002;1:5–36. Russian.
2. Bessonova OE. *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii* [Distribution economy of Russia: evolution through transformation]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2006. 142 p. Russian.
3. Nureyev RM. [Signs of the main production relationship and the discussion about the Asian method of production]. In: Sergeev AA, editor. *Mekhanizm funktsionirovaniya proizvodstvennykh otnoshenii v usloviyakh razvitoogo sotsializma* [The mechanism of functioning of industrial relations in the conditions of developed socialism]. Moscow: [s. n.]; 1976. p. 212–218. Russian.
4. Nureyev RM. [The Asian way of production and socialism]. *Voprosy ekonomiki*. 1990;3:47–58. Russian.
5. Vasiliev LS. The phenomenon of power-property. On the problem of typology of pre-capitalist structures. In: Alaev LB, editor. *Tipy obshchestvennykh otnoshenii na Vostoke v srednie veka* [Types of social relations in the East in the Middle Ages]. Moscow: Nauka; 1982. p. 60–99. Russian.
6. Vasil'ev LS. [East and West in history (the main parameters of problematics)]. In: Kradin NN, Korotaev AV, Bondarenko DM, Lynsha VA, editors. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilisation]. Moscow: Logos; 2000. p. 96–114. Russian.
7. Shamkhalov FI. *Sobstvennost' i vlast'* [Property and power]. Moscow: Ekonomika; 2007. 411 p. Russian.
8. Nureev RM, Runov AB. [Russia: is deprivation inevitable? (the phenomenon of power-property in historical perspective)]. *Voprosy ekonomiki*. 2002;6:10–31. Russian.
9. Berezhnoi IV, Vol'chik VV. *Issledovanie ekonomicheskoi evolyutsii instituta vlasti-sobstvennosti* [Study of the economic evolution of the institution of power-property]. Moscow: Zakon i pravo; 2008. 239 p. Russian.

10. Pliskevich NM. *Mutatsii «vlasti-sobstvennosti»: problemy i perspektivy* [Mutations of «power-property»: problems and prospects]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2007. 57 p. Russian.
11. Kolganov AI. To the critique of the «power-property» concept. *Voprosy ekonomiki*. 2017;7:79–95. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-79-95.
12. Venediktov AV. *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost'* [State socialist property]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR; 1948. 840 p. Russian.
13. Alekseev VV, Sakharov AN, Senyavskii AS, Korelin AP, Borodkin LI, Petrov YuA, et al., editors. *Sobstvennost' v XX stoletii. K 80-letiyu akademika V. A. Vinogradova* [Property in Russia in the 20th century]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2001. 951 p. Russian.
14. Katasonov VG. *Ekonomika Stalina* [Stalin's economy]. Moscow: Institute of Russian Civilisation; 2014. 416 p. Russian.
15. Khlevnyuk OV. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2010. 478 p. (Istoriya stalinizma). Russian.
16. Ostrovskii AV. *Kto postavil Gorbacheva?* [Who put Gorbachev?] Moscow: Algorithm; 2010. 544 p. (Sud istorii). Co-published by the «Eksmo». Russian.
17. [Letters of V. G. Venzher and A. V. Sanina to I. V. Stalin]. In: Kuznetsova TE, Nikiforova LV, editors. *Vladimir Grigor'evich Venzher: myslitel', issledovatel', uchitel'*. [Vladimir Grigoryevich Venger: thinker, researcher, teacher]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2015. p. 138–176 (Vydayushchiesya ekonomisty Rossii). Russian.
18. Stalin IV. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic problems of socialism in the USSR]. Moscow: Gospolitizdat; 1952. 96 p. Russian.
19. Koznova IE. *Stalinskaya epokha v pamyati krest'yanstva Rossii* [The Stalin era in the memory of the peasantry of Russia]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2016. 464 p. Russian.
20. Beznin MA. *Krest'yanskii dvor v Rossiiskom Nechernozem'e. 1950–1965 gg.* [The peasant yard of the Russian Non-Chernozem region. 1950–1965]. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR; 1991. 255 p. Co-published by the Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. Russian.
21. Beznin MA, Dimoni TM. [The completion of raskrestyanivaniya in Russia (the second half of the 20th century). Volume 1]. In: Sevost'yanov GN, editor. *Rossiya v XX veke. Reformy i revolyutsii* [Russia in the 20th century. Reforms and revolutions]. Moscow: Nauka; 2002. p. 632–643. Russian.
22. Osokina EA. *Za fasadom «stalinskogo izobil'ia». Raspreделение i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of «Stalin's abundance». Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialisation. 1927–1941]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2008. 271 p. Russian.
23. Kondrat'eva T. *Kormit' i pravit'. O vlasti v Rossii XVI–XX vv.* [To feed and rule. About power in Russia in the 16th–20th centuries]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2006. 208 p. Russian.
24. Kondrashin VV. *Golod 1932–1933 gg.: tragediya rossiiskoi derevni* [The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2008. 519 p. (Istoriya stalinizma). Russian.
25. Zima VF. *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR 1946–1947: origin and consequences]. Dmitrenko VP, editor. Moscow: Institut of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 1996. 265 p. Russian.
26. Menkouski V, Šmigel' M, Dubinka-Hushcha L. *«The Hunger Games»: Ukrainian famine of 1932–1933 in history, historiography and historical policy*. Banská Bystrica: Belianum; 2020. 270 p. Co-published by the Matej Bel University.
27. fon Mises L. *Socialism. An economic and sociological analysis*. 6th edition. Kahane J, translator. [S. I.]: Liberty Classics; 1988. 596 p.
Russian edition: fon Mises L. *Sotsializm. Ekonomicheskii i sotsiologicheskii analiz*. Pinsker B, translator. Moscow: Catallaxy; 1994. 416 p.
28. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. New York: Praeger; 1961. 346 p.
29. Bauer R, Inkeles A, Kluckhohn C. *How the soviet system works. Cultural, psychological, and social themes*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 288 p.
30. Fainsod M. *How Russia is ruled*. Cambridge: Harvard University Press; 1953. 684 p. (Russian Research Center studies; volume 11).
31. Schapiro L. *The Communist Party of the Soviet Union*. 1st edition. New York: Random House; 1960. 631 p.
32. Daniels RV. *The Stalin revolution. Foundation of soviet totalitarianism*. 2nd edition. Lexington: Heath; 1972. 233 p.
33. Meyer A. *The soviet political system. An interpretation*. New York: Random house; 1965. 494 p.
34. Kassof A. The administered society: totalitarianism without terror. *World Politics*. 1964;16(4):558–575. DOI: 10.2307/2009446.
35. Rigby TH. Traditional, market, and organization societies and the USSR. *World Politics*. 1964;16(4):539–557. DOI: 10.2307/2009445.
36. Armstrong JA. Sources of administrative behavior: some Soviet and Western European comparisons. *American Political Science Review*. 1965;59(3):643–655. DOI: 10.2307/1953175.
37. Barghoorn FC. *Politics in the USSR*. Boston: Little, Brown and Company; 1966. 418 p.
38. Skilling HG, Griffiths F, editors. *Interest groups in Soviet politics*. 1st edition. Princeton: Princeton University Press; 1973. 433 p. (Princeton Legacy Library).
39. Bunce V, Echols JM. From soviet studies to comparative politics: the unfinished revolution. *Soviet Studies*. 1979;31(1):43–55. DOI: 10.1080/09668137908411223.
40. Conquest R. *Power and policy in the U.S.S.R. The study of soviet dynasties*. 1st edition. New York: St. Martin's Press; 1961. 485 p.
41. Hough JF. *The Soviet prefects. The local party organs in industrial decision-making*. 1st edition. Cambridge: Harvard University Press; 1969. 416 p.
42. Menkovsky VI. *Istoriya i istoriografiya: Sovetskii Soyuz 1930-kh godov v trudakh anglo-amerikanskikh istorikov i politologov* [History and historiography: The Soviet Union of the 1930s in the works of Anglo-American historians and political scientists]. Minsk: Belarusian State University; 2007. 359 p. Russian.

43. Berliner JS. The informal organisation of the Soviet firm. *The Quarterly Journal of Economics*. 1952;66(3):342–365. DOI: 10.2307/1885308.
44. Berliner JS. *Factory and manager in the USSR*. Cambridge: Harvard University Press; 1957. 386 p. (Russian Research Center studies; volume 27).
45. Gregory PR. *The Political economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret archives*. New York: Cambridge University press; 2004. 308 p.
- Russian edition: Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma*. Markevich A, Kuznetsov I, translators. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2006. 400 p. (Sovetskaya istoriya v zarubezhnoi istoriografii).
46. Kornai Ja. *A hiány*. Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó; 1982. 610 a.
- Russian edition: Kornai Ja. *Defitsit*. Berzina S, Bulakh S, Zaikin V, Markov D, Mikhail'skaya A, Polyakov A, et al., translators. Moscow: Nauka; 1990. 608 p.
47. Kornai Ja. *The socialist system. The Political Economy of Communism*. Princeton: Princeton University Press; 1992. 672 p. DOI: 10.1093/0198287763.001.0001.
- Russian edition: Kornai Ja. *Sotsialisticheskaya sistema. Politicheskaya ekonomiya kommunizma*. Evstigneev RN, editor. Bolutin BM, Kazantsev SV, translators. Moscow: Zhurnal Voprosy ekonomiki; 2000. 672 p. (Universitetskaya biblioteka).
48. Djilas M. *The new class*. New York: Frederick A. Praeger; 1957. 214 p.
- Russian edition: Djilas M. *Novyi klass*. New York: Frederick A. Praeger; 1957. 246 p.
49. Voslensky MS. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Pisarev MYu, editor. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1991. 624 p. co-published by the «Oktyabr».
50. Beznin MA, Dimoni TM. [The initial accumulation of capital in Soviet Russia: an invitation to a scientific discussion]. *Voprosy istorii*. 2020;7:22–42. Russian. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202007Statyi02.
51. *Konstitutsiya SSSR* [Constitution of the USSR]. Moscow: Gospolitizdat; 1947. 26 p. Russian.
52. Beznin MA, Dimoni TM. Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2020;13(4):186–201. Russian. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11.
53. Beznin MA, Dimoni TM, Gulin KA. *Ekonomicheskii stroi Rossii 1950–1980-kh godov* [The economic system of Russia of the 1950s–1980s]. Vologda: Vologda State University; 2021. 252 p. Russian.
54. Beznin MA, Dimoni TM. *Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh godov* [The agrarian system of Russia of the 1930–1980s]. Moscow: Lenand; 2014. 608 p. Russian.
55. Beznin MA, Dimoni TM. The Soviet Proto-bourgeoisie: genesis of the upper class of Russian society. *Modern history of Russia*. 2019;9(2):437–453. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209.
56. Beznin MA, Dimoni TM. «Over-production» management in the Soviet economy (1930–1980s). *Voprosy istorii*. 2020;10-2:42–60. Russian. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi25.
57. Beznin MA, Dimoni TM. [Social classes in the Russian collective farm-state farm village of the 1930–1980s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;11:90–102. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.05.2022.
Received by editorial board 23.05.2022.